

Глава XIV. Порт-Артур и Мукден

Попытка контрнаступать. Поражение под Ляояном, получившее крайне болезненный общественный резонанс, заставило командующего Маньчжурской армией Куропаткина отказаться от излюбленной практики "дальнейшего наращивания резервов" и срочно разрабатывать план контрнаступления. Для кратного усиления стратегических сил России на театре военных действий Генеральный штаб постановил приступить к формированию 2-й Маньчжурской армии, до завершения которого часть ее корпусов приказом главнокомандующего русскими силами на Дальнем Востоке заместника Алексева была отдана под начало Куропаткина. Поэтому уже к 16 сентября совокупные силы под его командованием достигли 210 тыс. человек при 958 орудиях – что вновь было значительно выше, чем у противника, имевшего, также с учетом поступивших после Ляояна подкреплений, 180 тыс. человек и 412 орудий.

Русское наступление должно было развиваться в широкой 22–25-километровой полосе между позициями японских армий Оку, Нодзу и Куроки, занятых на правом берегу р.Тайцзыхэ примерно в 10–15 км к северу от захваченного Ляояна, и русским передним краем, проходившим по правому берегу притока Шахэ, почти параллельного основному руслу Тайцзыхэ, и отдаленным от Ляояна на 40–60 километров. Куропаткиным был разработан весьма грамотный, многообещающий и, казалось бы, хорошо защищенный от неожиданностей план. Вкратце его суть сводилась к демонстрационному (отвлекающему) наступлению на центральном участке фронта (Западный отряд Бильдерлинга) при одновременном нанесении решающего удара против японского правого фланга силами Восточного отряда Штакельберга и отряда Ренненкампа. В случае, если бы противник, разгадав наш план, сосредоточил бы главные силы на своем правом фланге, предполагалось прорвать его центр в направлении на Янтайские копи, для чего Западный отряд усиливался 6-м Сибирским корпусом [274].

Успех наступления был более чем реален: не успевшие восстановиться после Ляоянской битвы войска Ойямы вполне могли быть взяты в полукольцо и принуждены к отходу в западном направлении, в болотистую долину реки Ляохэ. "Так как р.Ляохэ

прилежала к нейтральной территории <Монголии (совр. автономного района Внутренней Монголии на территории КНР. – *Авт.*>, то противник, будучи прижат к ней, или должен был погибнуть в непроходимых болотах ее долины, или же, согласно законам международного права, – положить оружие, перейдя на нейтральную территорию" [275].

Однако вновь, как уже много раз в этой войне, исход хорошо подготовленной и стратегически выверенной операции решил ряд случайностей, буквально-таки укравших победу из рук русской армии. За считанные дни до намеченного наступления японским разведчикам в районе Далинского перевала удалось захватить документы убитого штабного офицера, содержавшие подробные инструкции Куропаткина генералу Штакельбергу, чей Восточный отряд должен был неожиданно для противника сыграть в операции решающую роль. Эти данные, которые первоначально в штабе Ойямы сочли за дезинформацию, вскоре были подтверждены завербованным японской разведкой источником в штабе Куропаткина, благодаря чему японцы, не опасаясь демонстративной атаки Западного отряда, сумели серьезно укрепить и усилить свой правый фланг.

Русское наступление началось на рассвете 21 сентября. Японцы, получив возможность убедиться в верности своих разведданных, не спешили оказывать сопротивление и заблаговременно отступали. Лишь на третий день, к вечеру 23 сентября, Западный отряд приступил к штурму японских укреплений на р.Шахэ. Восточный отряд достаточно динамично заходил в тыл армии Куроки, и, несмотря на ожесточенное сопротивление противника, добился бы успеха, если не очередная досадная случайность: на наспах составленных русских полевых картах не было нанесено сопки Ляотхелазы вблизи деревни Каотайцзы, господствующей над передним краем обороны противника. Наступавшие части с ходу взяли эту высоту, однако из-за ее "неизвестности" для штаба не были предприняты какие-либо меры по ее обороне. В результате этой оплошности 26 сентября японцы двумя батальонами выбили с "проклятой сопки" легковооруженных защитников, и, установив на ней артиллерию и пулеметы, сделали дальнейшее наступление Восточного отряда невозможным.

Обезопасив свой правый фланг, японские войска немедленно усилили натиск на готовившийся к продолжению "демонстративного" наступления Западный отряд, и, глубоко охватив его левый фланг в боях 28–30 сентября, заставили

отступить. Утром 1 октября армии Нодзу удалось прорвать правый фланг Западного отряда и создать угрозу полного окружения сразу пяти русским корпусам. Куропаткину пришлось молниеносно вводить в бой резервы и, всецело положившись на мужество и волю войск, добиться временного восстановления фронта и осуществления организованного отхода на естественный рубеж реки Шахэ. Закрепившись на новых позициях, русское командование решило во что бы то ни стало вернуть контроль над господствующей высотой у деревень Сандепу и Сахетун. Утром 4 октября на штурм сопки ушли 25 батальонов (1 дивизия и 3 полка). После отчаянного рукопашного боя они овладели этой высотой, впервые за весь ход военных действий захватив неповрежденными 11 японских орудий с большим количеством боеприпасов.

Этим локальным эпизодом битва на Шахэ завершилась. Наступление русских войск не достигло цели, хотя и не оказалось поражением, – по его исходу Маньчжурская армия твердо стала на позициях, отстоящих от Мукдена на значительно большем расстоянии, чем до его начала. Реакция на неудачу не была столь болезненной, как после Ляояна, победе под которым придавалось столь много сакрального смысла. Обескураживает лишь уровень потерь: если в Ляоянском сражении он составил 17 и 24 тысяч погибших (у русской и японской сторон соответственно) [276], то на Шахэ достиг примерно по 59 тысяч убитых и раненых у каждой из сторон [277]. Раскручивающийся молох войны пожирал все больше и больше жизней и материальных ресурсов, на смену состязательности в полководческих талантах и военной удаче заступала борьба ресурсов и стратегических потенциалов. Безусловно, к такого рода войне гигантская Россия была готова куда больше, чем ее островной противник. Наконец-то в полной мере мог заработать эффект "экстенсивной эксплуатации территории", и за века отвоеванное у природы и многочисленных соседей жизненное пространство Российской империи, невзирая на его сохраняющуюся необустроенность, явилось бы решающим фактором победы. Но только смысл войны для этого должен был сделаться другим.

**То, на что не
смогли
отважиться в
Петербурге**

Для этого война с Японией должна была утратить "колониальный" характер и стать войной за жизненные интересы России и, как ни вызывающе это звучит, – за русскую землю. Не только Квантунский полуостров с Порт-Артуром, но и *вся*

Маньчжурия, обеспечивающая пространственное соединение анклава с основной территорией России, невзирая на превратные нормы международного права, должны были быть провозглашены землями Российской Империи. То, что мыслилось в отдаленной перспективе и в связи с чем “хитроумный” Витте затевал железнодорожные и торговые проекты в Северо-Восточном Китае, ради чего затягивалась военная оккупация Маньчжурии 1900–1904 гг., учреждалось Дальневосточное наместничество и заключались договоры с местными автономными властями о российском сюзеренитете, должно было стать фундаментальной основой для ожидавшейся многими декларации: Российская империя в силу своих жизненных интересов, уже оплаченных немалой кровью, учреждает свою государственную власть в Маньчжурии и на Ляодунском полуострове. Характер войны в таком случае сделался бы совершенно иным. Если бесхитростные русские солдаты, и раньше проливая кровь в боях с японскими войсками, были вполне убеждены в том, что “воюют за Россию”, то отныне подобная же убежденность должна была придти в сознание социально-активных общественных консорций, а через обратную связь с ними – в планы и действия командования. Осознание же последним народного характера войны позволило бы в полной мере опереться на нравственную силу, инициативность и жертвенность войск, отказаться от рафинированно-оптимальных планов операций и, опираясь на колоссальные резервы, передислокация которых на театр военных действий рано или поздно завершилась бы, терпеливо ждать, когда заведомо большая сила возьмет верх.

Не будем с позиций сегодняшнего дня пытаться дать оценку подобному “экспансионистскому варианту”. Во всяком случае, играя вместе с остальными державами в “колониальную игру” в Китае, Россия всегда ощущала неестественность своей роли в качестве заурядного “колонизатора”, и всей недолгой историей развития своего присутствия в Маньчжурии шла гораздо дальше общих правил, за что постоянно подвергалась упрекам и обструкции со стороны других членов колониального клуба. Включение Маньчжурии в ее состав, какой бы шок в мире оно ни вызвало, в конечном счете получило бы международное признание²⁹⁸. Да и пребывание этой новой территории в составе

²⁹⁸Сколь бы циничным это ни показалось на первый взгляд, но право и возможность относительно мирной интеграции Маньчжурии в состав России подтверждается действиями Японии в отношении Кореи. Сразу же после окончания русско-японской войны Япония, заключила с Кореей договор о протекторате (“Конвенция о праве Японии над внешними сношениями Кореи” от 17 ноября 1905 г.) –

Российской империи в начале XX века оказалось бы куда продуктивнее для ее экономического и социально-гражданского развития, чем в условиях сохранения на ней феодально-колониального режима при полуразложившейся императорской власти в Пекине.

Любопытный и показательный факт: во время сражения за Мукден в феврале 1905 года, при разъяснении солдатам важности “крепко держать позицию”, в качестве одного из сакральных аргументов говорилось об Императорских могилах – расположенной к северу от древней маньчжурской столицы родовой усыпальнице Цинской династии, которую надлежало защищать, как если бы там находились могилы московских царей. В том не было ничего удивительного, если учесть, что Маньчжурия в известном смысле уже почти считалась частью России, а собственно маньчжурские (не пекинские) правители – вассалами российского императора.

Что же касается самого русского общества, то фактом включения в состав страны огромной по количеству свободных земель, пригодной для ведения высокопродуктивного сельского хозяйства территории с естественным выходом к теплым незамерзающим морям *многовековой акматический идеал экспансии смог бы наконец получить достойное и полноценное завершение, более не*

по своей сути аналогичный соглашению 1900 года о протекторате России над Маньчжурией. Несмотря на то, что последующий японский “Декрет о правах генерального резидента в Корее” нарушал и Конвенцию от 17 ноября, и совсем недавно заключенный с Россией Портсмутский мирный договор, фактическое учреждение на территории Кореи японской администрации вызвало дипломатический протест лишь со стороны России. В 1907 году западные дипломаты даже отказались допустить к участию на конференции в Гааге представителей все еще остававшегося номинальным главой Кореи императора Кочжона. Спустя пять лет полностью зависимое от Японии корейское правительство обратится в Токио с “просьбой” о вхождении в состав Японской империи, которая будет немедленно удовлетворена. Корейский император уступит императору Японии “полностью и на вечные времена всю власть по управлению Кореей”, и 22 августа 1910 г. его страна войдет в состав Японии на правах генерал-губернаторства Тёсэн. Накануне аннексии Кореи японское правительство сможет заручиться согласием России, подписав месяцем раньше русско-японское соглашение, признававшее верховенство российских интересов в Северной Маньчжурии и Внутренней Монголии. Единственной державой, открыто изъявившей неудовлетворение действиями Японии, окажутся США, к тому времени уже распознавшие во вчерашнем союзнике потенциального оппонента.

После капитуляции Японии в 1945 году Корея станет находиться под управлением оккупационных властей СССР и США. Независимое корейское государство на территории американской зоны оккупации (Южная Корея) будет провозглашено 15 августа 1948 года, на территории советской зоны (КНДР) – 9 сентября того же года. Последствия русско-японской войны 1904–1905 гг. и ухода России из Кореи продолжают сказываться и по сей день – страна до сих пор не может восстановить единую государственность.

оставляющее в подсознании комплексов несостоятельности и позволяющее перейти к планомерному обустройству приобретенного. Можно спорить о готовности миллионов новых переселенцев из черноземных губерний и Украины начать на маньчжурских землях новую жизнь, перепахивая гаоляновые поля на пшеничные, о возможности если и не ассимиляции местного населения, то его активного вовлечения в русское социально-культурное пространство, о перспективах военного²⁹⁹ и дипломатического урегулирования с номинальными китайскими властями и т.д. Бесспорно, на наш взгляд, одно: *многовековой цикл российской истории, начавшийся в голодные и смутные десятилетия "малого ледникового периода" конца XVI – начала XVII веков, мог завершиться гармоничным аккордом, исключая революционные потрясения 1905–1907 гг. и последующие деструктивные процессы, питаемые нетерпеливым желанием верхних слоев общества "стать как все остальные" (архетипичный вектор буржуазно-демократической революции) или даже "совершеннее всех" (коммунистический архетип) на фоне банальной нерешенности ключевого земельного вопроса для большей части населения страны.*

Знакомство с недолгой историей Желтороссии, "русской Маньчжурии" 1900–1904 гг., не оставляет сомнений в том, что российские власти так или иначе осознавали весь комплекс

²⁹⁹Несмотря на огромную территорию и население в 350 млн. человек, Китай на закате правления династии Цин не мог похвастать силой. Центральная пекинская власть была крайне слабой, правящие в провинциях кланы год за годом отвоевывали очередные "порции суверенитета". Существенно, что после узурпации в 1861 году верховной власти маньчжурской княжной Цы Си (1835–1908), бывшей молодой наложницей скончавшегося императора (после смерти супруга Цы Си формально оставалась регентом при собственном малолетнем сыне, который по достижении совершеннолетия также умер, будучи по приказу матери заражен оспой, а затем при племяннике, который в свое время будет отстранен от власти и помещен под арест), легитимность династии фундаментально пошатнулась, а лояльность высших сановников поддерживалась страхом чудовищных пыток и казней, широко практиковавшихся правительницей.

Массовая китайская армия, не реформировавшаяся с феодальных времен, не имела современных вооружений и выполняла, в основном, полицейские функции. Относительно боеспособной могла считаться лишь 100-тысячная Маньчжурская китайская армия, расквартированная в Маньчжурии, Печилийской области и в крупных городах. Военно-морской флот Китая состоял из 80 судов, в том числе 2 броненосцев, 10 крейсеров и около 40 миноносцев, значительно уступая расквартированной по соседству порт-артурской эскадре России. Китайское правительство не обманывало себя иллюзиями о возможностях собственных вооруженных сил и всецело полагалось на поддержку иностранных держав, между интересами которых оно достаточно умело балансировало. При этом для "внутреннего употребления" им пестовался радикальный национализм, также не способствовавший единству многонациональной страны.

подобных возможностей и неплохо видели их перспективы. Неспроста в коммунистической историографии излюбленным местом стало утверждение о том, что, "развязав" войну с Японией, царизм-де пытался остановить рост протестных настроений и развитие "революционной ситуации". Сумей Россия избежать революционной деструкции – роль Маньчжурии и как жизненного и экономического пространства, и в качестве форпоста для обретения долгосрочного лидерства на Востоке, – в процессе дальнейшего развития страны безусловно была бы в числе определяющих.

Пока же русское общество пребывало на распутье, безуспешно пытаясь совместить акматический патриотизм с идеями "общечеловеческого прогресса", защитники осажденного Порт-Артура обороняли этот крошечный каменистый клочок суши с жертвенностью и остервенением, исключаящими – во всяком случае для них – все споры о том, русская ли это земля или нет.

Порт-Артур готовится к обороне

Несмотря на то, что русский гарнизон встал в Порт-Артуре еще в декабре 1897 года, и имелось в виду превратить эту старую китайскую крепость в неприступный с моря и суши форпост, к моменту начала военных действий до завершения инженерно-фортификационных работ было далеко. Подчеркнуто стремясь к демонстрации миролюбивых намерений, русское правительство значительно большие средства ассигновывало на обустройство торгового порта Дальний, а также железнодорожное строительство. Кроме того, первые этапы возведения укреплений Порт-Артура были сорваны китайским восстанием 1900 года и разразившейся вскоре эпидемией холеры [278], а также беспорядками в южной Маньчжурии 1904 года [279]. На работы по укреплению Порт-Артура и Владивостока в период 1898–1902 гг. расходовалось не более $\frac{1}{4}$ всего фортификационного бюджета по военному ведомству, в то время как на укрепление Кронштадта выделялись значительно большие суммы [280]. В 1903 году фортификационные работы под руководством талантливого военного инженера генерал-майора К.И.Величко возобновились, и даже какое-то время – до затянувшегося высочайшего утверждения их проекта – осуществлялись на страх и риск порт-артурского начальства. Лучше многих других понимая близость войны и роль в ней дальневосточных крепостей, военное ведомство практически самовольно пошло на перевод в Порт-Артур и Владивосток из западных укрепрайонов значительной части, более тысячи единиц

стволов [281] “дальнобойных орудий образца 1877 года” – 6, 10 и 12 дюймовых, с длиной ствола от 30 до 45 калибров. Но при впечатляющей дальности стрельбы и мощности выбрасываемого заряда, основными недостатками этих орудий были недостаточная мобильность и скорострельность. Считавшиеся верхом артиллерийского совершенства своего временем скорострельные 6-дюймовые пушки системы Канэ поставлялись лишь на флот, и лишь в разгар оборонительных сражений, перенесенные с корабельных станков на сухопутные позиции, они были по достоинству оценены³⁰⁰.

К началу наступления армии Ноги на Порт-Артур основу фортификации крепости составляли хорошо защищенные батареи и редуты, размещенные на господствующих высотах, а также береговые батареи. Равнинная линия укреплений представляла собой несколько рядов проволочных заграждений на деревянных столбах, на некоторых из которых из-за отсутствия колючей проволоки использовались гладкие телеграфные провода, по которым пропускаться электрический ток – на отдельных участках напряжением в 3 тысячи вольт. Здесь же были вырыты западни и рвы, наполненные водой и обшитые досками с торчащими гвоздями³⁰¹, слегка присыпанными землей и соломой. Перед фортами были устроены минные поля с дистанционными электрическими детонаторами [282], подрываемыми при приближении неприятеля и обеспечивающими для обороняющейся стороны возможность ходить в контратаки, а также пропускать свои части в случае их отхода с передовых окопных позиций. Защитники крепости имели 646 орудий различных калибров и 62 пулемета [283]. На более поздних этапах обороны крепости весьма эффективно применялись и такие оригинальные способы борьбы, как скатывание по устроенным в горных склонах желобам сферических морских мин или использование “порт-артурского миномета” – снятых с кораблей торпедных аппаратов, выстреливавших боевые части морских торпед с горных позиций вниз по наступающему противнику.

³⁰⁰Орудия системы Канэ с патронным заряданием обладали беспрецедентной для своего времени скорострельностью – до 10-12 выстрелов в минуту. С 1895 года производство этих пушек было освоено на российских военных заводах в Санкт-Петербурге, Туле и Перми.

³⁰¹Во время первых штурмов гвозди оказались весьма эффективными против обуви в национальные японские сандалии вражеской пехоты

Начало боев за крепость

После успеха при Наньшине 13 мая 1904 года и захвата на следующий день порта Дальний японцы обеспечили контроль над перешейком и установили полную сухопутную блокаду Порт-Артура. Однако на штурм следующей линии укреплений генерал Ноги решился лишь на 66-й день. Утром 18 июля "японцы двинулись в наступление на Волчьи горы и, имея превосходство в артиллерии... развили невероятную силу огня по свежим окопам и буквально сметали наши части; были роты, понесшие только убитыми от 60 до 80%. <В тот день обороняющиеся русские> войска оставили Волчьи горы и отошли в саму крепость, и лишь на самом правом фланге кольца обороны оставили еще две выдвинувшиеся вперед высоты, Дагушан и Сагушан³⁰², на которых задержались несколько наших батальонов и которые было решено не сдавать без боя" [284].

Спустя неделю, в воскресенье 25 июля в 11 часов утра, когда немногочисленное не успевшее эвакуироваться гражданское население и большая часть солдат и офицеров гарнизона находились на главной городской площади на молебне, японские войска начали атаку по периметру Порт-Артура и открыли по городу пока еще некорректируемый перекидной огонь из 152-миллиметровых батарей³⁰³. Два снаряда попали, в частности, во флагманский броненосец "Цесаревич", легко ранив контр-адмирала Витгефта [285]. Ответный корректируемый контрбатарейный огонь по противнику был открыт из крупнокалиберных орудий находившихся на внутреннем рейде русских броненосцев "Ретвизан" и "Победа"; практически все японские батареи, стоявшие на обращенных к Порт-Артуру западных склонах Волчьих гор, были в тот вечер подавлены [286]. Но эта неудача в ответ лишь усилила атаки противника на господствующие над его позициями высоты Дагушан и Сагушан, обороняемые "уже совершенно потрепанными в предыдущих боях" 2 батальонами и 3 охотничьими командами при 8 полевых орудиях. Трехдневный "бой за сопки" стал одним из самых ожесточенных "локальных" сражений русско-японской войны. В течение всего дня 26 июля, под проливным дождем, русские позиции только на Дагушане атаковала, не считаясь с потерями, целая японская дивизия. Вершины сопки с их защитниками были скрыты плотной пеленой тумана, а в середине дня на головы наступающего противника неожиданно обрушились снаряды с умудрившихся

³⁰²В ряде источников названия высот Таку-Шан и Сиоку-Шан

³⁰³По другим источникам, датой начала бомбардировок Порт-Артура из 6-дюймовых орудий является 22 июля [287].

незаметно покинуть внутренний рейд и подойти к району боя крейсера "Новик" и двух канонерских лодок. Тем не менее неприятель продолжал наступать. В 15:30, как только начал рассеиваться туман, японцы ввели против защитников сопки осадную артиллерию, а в 19:00 два полка пошли в массированную атаку против правого фланга обороны Дагашуня. Противник был контратакован 10 ротой 16-го полка численностью 138 человек под командованием капитанов Верховского и Курковского, которая "бросилась... в штыки и легла в этом неравном бою до последнего человека" [288]. Исчерпав возможности сопротивления на данном рубеже, русские войска оставили высоты к полудню следующего дня³⁰⁴. Период "подвижной" обороны Порт-Артура закончился, и началось его плотное осадное обложение.

Кровавая осень

В последние дни июля японские войска провели несколько безрезультативных атак носивших в основном, демонстрационный характер, а 3 августа генерал Ноги отправил в крепость парламентария с предложением о сдаче. Это предложение было отвергнуто военным советом, тем более, что после неудавшегося прорыва эскадры 28 июля оборона крепости усиливалась корабельной артиллерией, пулеметами, техническими средствами (прожекторами и т.д.), а также командами моряков, переводимыми на сухопутную линию обороны³⁰⁵. Штурм хорошо укрепленных позиций главной линии обороны Порт-Артура начался 6 августа. В течение нескольких дней "японцы наступали густыми колоннами, рассчитывая массой задавить защитников крепости. Строгая дисциплина, суровый военный закон, фанатизм и личная доблесть японцев приводили к тому, что японские батальоны, неся невероятные потери, все же доходили до цели своих атак, хотя бы в составе нескольких человек, и схватывались с нашими в штыках" [289]. Все дни с 6 по 11 августа превратились в сплошной кровавый бой, не прекращавшийся даже с наступлением темноты. Обе стороны дрались доблестно и ожесточенно. Острие японских атак было направлено в центр оборонительных позиций, так называемое Орлиное Гнездо, на редуты №1 и 2, которые, неоднократно переходя из рук в руки, все же были удержаны русскими: "японцы овладели

³⁰⁴В боях 25–27 июля 1904 г. потери убитыми японской армии составили 1,200 человек, русские потери – 400 человек [290]

³⁰⁵Флотские экипажи общей численностью около 17 тысяч человек значительно повысили боеспособность 40-тысячного крепостного гарнизона [291]

разрушенным фасом этих редутов, а внутренний остался в наших руках" [292]. Августовский штурм Порт-Артура обошелся японской армии в 25 тысяч погибших, потери обороняющейся стороны были, как и положено при ее должном фортификационном обеспечении, значительно ниже – 2 тысячи нижних чинов и 50 офицеров. Трагическим совпадением стала судьба знаменитой 10-й роты 16-го полка, полностью polegшей в контратаке 26 июля: заново сформированная из вернувшихся в строй раненых, к утру 11 августа она вновь потеряла весь свой состав полностью.

Не добившись успеха при штурме, с 12 августа японцы открыли минную войну, поведя тихую сапу (тоннельный подход) под укрепления восточного форта крепости³⁰⁶. Затишье, в течение которого инженерные службы крепости под руководством полковника С.А.Рашевского возобновили фортификационные работы, а набранные из местных китайцев команды по ночам убирали трупы, было недолгим: очередной штурм начался уже 2 сентября. В ходе этого, третьего по счету, штурма (с 3 по 9 сентября) противнику удалось завладеть тремя редутами ("Водопроводный", "Скалистый" и "Кумирненский"), однако ключевые для русской обороны сопку Высокую³⁰⁷ и открывающую к ней путь Плоскую гору удается отстоять.

С этого момента более чем на два месяца смыслом борьбы становятся эти ключевые высоты. Впервые с начала военных действий японская армия столь серьезно "увязла", а вместо привычного почитания генерал Ноги стал объектом язвительной критики в японской печати. Особенно удручало японское общественное мнение то обстоятельство, что надолго застрявшие в сырых низинах перед высотами Порт-Артура войска начали нести ощутимые, составившие в общей сложности 16 тысяч человек,

³⁰⁶Минная война под Порт-Артуром достойна отдельного описания. Японцы вручную пробивали в скалистой породе длинные галереи, русские саперы вели контрподкопы. Под передним краем обороны на глазах вырастали настоящие катакомбы с разветвленной сетью сообщений и полным отсутствием какой-либо "линии фронта". Об ожесточенности подземной войны свидетельствует боевой эпизод, когда фельдфебель Карпенко с группой солдат смог пробраться в минную галерею японцев и гранатами уничтожить застигнутый за работой расчет вражеских саперов. В ответ – задолго до знаменитой газовой атаки германской армии на Ипре в апреле 1915 года – противник закачал в тоннели ядовитый хлор.

³⁰⁷Стратегическая ценность сопки Высокой (во многих источниках именуемой высотой 206) состояла в том, что с нее становились возможными прямой обстрел или корректировка перекидного огня по внутреннему рейду Порт-Артура и тяготеющим к берегу основным городским постройкам, в том числе казармам, госпиталям, складам и т.п.

потери от тифа и лихорадки бери-бери [293]. Поэтому в боях за сопку Высокую готовность японской армии идти вперед, не считаясь с потерями, испытывается самым полным образом – точно так же, как испытывается и готовность русского гарнизона стоять насмерть, защищая руины Порт-Артура, как защищают свою, родную землю. Без какой-либо помощи "политработников" защитники Порт-Артура сами провели параллель: гора Высокая – то же, что Малахов курган в Севастополе [294]. О стремлении к успеху любой ценой и ожесточенности с обеих сторон красноречиво свидетельствует ночной бой 13 сентября, когда, воспользовавшись перегруппировкой русских сил, войска Ноги без артподготовки предприняли ночную атаку на Плоскую гору, но были остановлены наспех направленными на позиции сводными отрядами из легкораненых бойцов и нестроевых "обозных писарей", понесших страшные потери, однако не отступивших ни на шаг.

После почти месячного отдыха³⁰⁸ и пополнения сил 13 ноября войска Ноги предприняли четвертый по счету штурм крепостных укреплений, на этот раз целиком нацеленный на сопку Высокую. Почти десять дней за сопку шли кровопролитнейшие бои, причем борьба кипела не за бетонированными стенами фортов (их на Высокой в свое время просто не успели построить), а в окопах, проложенных уже в период осады. "Неоднократно эти окопы переходили из рук в руки. Выбитые японцы открывали тогда безумный огонь всей своей артиллерией по залитым кровью и заваленным трупами окопам. Генерал Ирман верхом на коне много раз водил наши части на японцев, под ним было убито несколько лошадей. Но несмотря на все геройство наших частей, Высокая гора 26 ноября была окончательно взята японцами" [295]. Неприятель заплатил за эту высоту дорогую цену – 8 тысяч убитых [295*].

Овладев Высокой, с 27 ноября японская артиллерия приступила к прицельному обстрелу внутреннего рейда и спустя два дня уничтожила остатки когда-то грозной Первой тихоокеанской эскадры. Шальным осколком был убит начальник сухопутной обороны Порт-Артура генерал Р.И.Кондратенко. Стали сказываться и результаты работы японских минеров: 5 декабря из подкопа был взорван форт №2, 15 декабря – форт №3, а при взрыве укрепления

³⁰⁸"Отдыхала", если можно так выразиться, лишь часть группировки противника, поскольку с 18 сентября доставленная под Порт-Артур японская осадная артиллерия приступила к планомерным бомбардировкам крепости и редутов. Бетонные сооружения русских редутов, спокойно выдерживавшие огонь полевых калибров, не могли противостоять трехсоткилограммовым снарядам 11-дюймовых японских осадных гаубиц [296].

№3, произошедшего 16 декабря, там в полном составе погиб весь гарнизон в составе шести рот. Неприятель усиливал огонь и по городским районам – в частности, до основания был разбит госпиталь №6, похоронив под своими руинами и больных, и значительную часть врачебного персонала³⁰⁹. Закончились запасы мяса, ели конину, не хватало хлеба, бинты для перевязок многократно перестирывались, вместо ваты в госпиталях использовали пенку, получаемую от расплетывания корабельных канатов. Многие позиции не удавалось удерживать даже против слабеющих атак японцев: защитников, способных держать в руках оружие, на многих участках просто не оставалось.

Сдача крепости становилась вопросом считанных дней, однако на военном совете 17 декабря было решено “в случае вступления неприятеля в крепость отойти к Ляотешаню и продолжать борьбу с этой горы, быстро укрепив ее” [297]. Готовность остатков гарнизона³¹⁰ к продолжению сопротивления до последнего человека была вполне осознанным проявлением коллективной воли к утверждению самой высокой, предельной ценой русского флага над последними метрами далекого южноманьчжурского полуострова. Как вспоминал капитан Б.Бок, “нам всем было хорошо известно, что японцы, захватив Артур, перерезали всех китайцев до последнего, мы были к этому приготовлены и никто из нас за всю осаду не рассчитывал остаться в живых”³¹¹ [298]. Оборона Порт-Артура стала одной из высших за всю имперскую историю России *и последней эманацией ее героического акматического идеала* – следующие сопоставимые по ожесточенности и самопожертвованию бои русский солдат будет вести спустя почти сорок лет, уже в другой стране и под другими знаменами.

³⁰⁹Здесь надо отметить, что после протеста представителя русского Красного Креста японское командование приняло план сосредоточения госпиталей в “нестратегическом районе” города, и до самого падения Порт-Артура более не выпустило по ним одного снаряда.

³¹⁰К моменту падения Порт-Артура из 40-тысячного гарнизона и присоединившихся к ним 17 тысяч моряков в живых оставались около 33 тысяч, из которых держать оружие могли не более 14 тысяч человек [299].

³¹¹При взятии Порт-Артура 21–22 ноября 1894 года японскими военными была устроена чудовищная четырехдневная резня, в ходе которой были умерщвлены *все* 10 тысяч военнослужащих китайского гарнизона, а из 20-тысячного гражданского населения города в живых остались только 36 человек.

**Падение Порт-Артура:
благодарность врага и
“сокрушение устоев”**

На фоне мужественного подъема уцелевших защитников Порт-Артура и не затихающей канонады в районе последнего не взятого противником участка обороны у Орлиного Гнезда оглашенный 19 декабря приказ начальника Квантунского укрепрайона генерал-адъютанта Стесселя о прекращении огня и выезд парламентаря прапорщика Малченко с предложением о сдаче были как гром среди ясного неба³¹². Подчинившись приказу, многие офицеры позволяли себе открыто, с нескрываемым негодованием высказываться о предательстве командующего гарнизоном (после окончания войны за это решение Стессель будет осужден и проведет два года в заключении в Петропавловской крепости)³¹³. Вечером 19 декабря установившуюся над Порт-Артуром тишину вновь огласили взрывы

³¹²Позволим себе привести цитату из этого исторического приказа №984, передающую дух тех событий и частично объясняющую мотивации решение о капитуляции: “Герои защитники Артура! 26 января сего года Артур впервые был потрясен выстрелами неприятеля... С тех пор прошло 11 месяцев. Сначала бомбардировки крепости с моря, затем, начиная с начала мая, бои уже на сухопутье, геройская оборона Кинчжоуской позиции... где не знаем, чему удивляться – упорству или настойчивости противника, сосредоточившего против нас большое превосходство сил и особенно артиллерии, или Вашей необыкновенной отваге и храбрости, и умению нашей полевой артиллерии... Все будем удивляться, как отбивались и погибали на Юпилазе и других позициях. Громадное число убитых и умерших указывает на то упорство, которое проявили войска, и на тот необычайный, нечеловеческий труд, который Вы несете... Штурмы эти не имеют ничего похожего во всей военной истории, на этих штурмах о ваши груди, как о скалы, разбилась многочисленная армия храброго врага... Наконец, все порасходовали и, главное, – защитников: из 40 тыс. гарнизона на 27-верстной обороне осталось менее 9 тыс. и то полубольных... Беру на себя смелость, как г.-ад. Его Величества, благодарить Вас именем Государя Императора за Вашу беспримерную храбрость и за беспримерные труды во все времена тяжелой осады, – осады, вырвавшей из строя более $\frac{3}{4}$ защитников. С чувством благоговения, осенив себя крестным знаменем, помянем славные имена доблестных защитников, на полях брани за Веру, Царя и Отечество живот свой положивших, начиная от генералов до рядовых... Почтим, боевые товарищи, память павших со славою и честью во всех боях и битвах сей кровопролитной кампании. Да ниспошлет Господь мир праху их, а память о них вечно будет жить в сердце благородного потомства...” [300].

³¹³Созданная императорским указом от 13 марта 1905 года специальная следственная комиссия пришла к выводу, что сдача Порт-Артура не была оправдана “ни тогдашним положением атакованных фронтов, ни недостаточной численностью гарнизона и состоянием здоровья и духа людей, ни недостатком боевых и продовольственных запасов” [301]. Военно-уголовный суд начнет работу в апреле 1907 года, причем специальным императорским указом от суда будут освобождены морские чины – как менее других виновные в произошедшем. Обвинение потребует приговорить Стесселя к казни, однако суд ограничится 10-летним тюремным заточением. В марте 1907 года Николай II утвердит решение суда, но в апреле 1909 года лишенный звания Стессель будет помилован и выйдет на свободу.

– начался подрыв уцелевших орудий и огнезапаса³¹⁴, полузатопленных кораблей и портовых сооружений, а под покровом ночи на миноносце "Статный" под командованием барона Коссинского были увезены полковые знамена, к утру следующего дня доставленные в Чифу и сданные там русскому консулу³¹⁵. В тот же день, 20 декабря, генерал А.Стессель подпишет акт о капитуляции крепости.

Японцы, отдавая должное мужеству защитников Порт-Артура, предложили почетные условия сдачи. Офицерам "оставлялось оружие и предлагалось им, под честное слово больше не воевать, возвратиться на Родину, а желающим разделить участь команды разрешалось идти в плен" [303]. Из оставшихся в живых 745 офицеров японским предложением воспользовались 443 человека, включая самого Стесселя, для комфортабельного отъезда которого генерал Ноги в последующем выделил специальный поезд [304]. Решительно потребовав прекратить уничтожение остатков военного имущества и убой лошадей на мясо, для питания гарнизона японцы пригнали взамен стадо реквизированных у китайцев волов. Во избежание неконтролируемых эксцессов японское командование не стало вводить в крепость своих обзлѐнных солдат, и лишь на третий день после прекращения огня, 21 декабря, в Порт-Артуре стали появляться японские офицеры³¹⁶, занявшиеся организацией отправки пленных. Порт-артурским офицерам, решившим разделить участь отправляемых в плен солдат и матросов, был назначен паек, включающий мясные консервы и даже полбутылки виски. Нет слов, неприятель вел себя подчеркнуто благородно и тактично. Даже Андреевский флаг, продолжавший развиваться над Золотой горой, был заменен на японский только после того, когда последний эшелон пленных покинул Порт-Артур.

³¹⁴В общей сложности были уничтожены 253 орудия и 765 тыс. снарядов разных калибров и 2.25 млн. винтовочных патронов. Не были уничтожены и достались японцам 610 орудий, 207.8 тыс. снарядов, 9 тяжелых пулеметов, 4.5 млн. винтовочных патронов. Из 59 тяжелых крепостных орудий удалось подорвать только 20 [302].

³¹⁵В Чифу также смогли уйти миноносцы "Скорый", "Сердитый" и "Властный", паровой катер наместника "Ольга" и три корабельных торпедных катера с броненосцев; ко 2 января в Циндао смогли пробиться миноносцы "Бойкий" и "Смелый", а также коммерческий пароход "Пинтан" с 800 гражданскими беженцами из Порт-Артура на борту [305].

³¹⁶Капитан Б.Бок так описывает свое первое небоевое знакомство с ними: "Помню, я завтракал в этот день в Морском собрании. Во время завтрака вошла в столовую группа японских офицеров из семи человек. Они начали обходить стол и здороваться с каждым из нас, а мы, молча подав руку, оставляли наш завтрак и выходили из собрания..." [306]

Так завершилась героическая 220-дневная оборона Порт-Артура, стоившая Японии 93 тысяч погибших и потери 15 боевых кораблей. Потери русской стороны составили 24 тысячи убитыми, 32.5 тысячи пленными плюс уничтожение в результате гибели или интернирования всей Первой тихоокеанской эскадры. Пал самый дальний форпост русской экспансии, сакральный "восточный Константинополь", с обладанием которым в тот момент были связаны не только обширные геополитические планы, но и смысл самого национального бытия, неразрывно отождествившего себя с акматическим идеалом экспансии. Неудивительно, что спустя лишь 20 дней после подписания акта о капитуляции Порт-Артура в стране начнут неуправляемо и необъяснимо легко рушиться духовно-нравственные конструкции и опоры, казалось бы, прочно и на века скреплявшие русское общество в единое целое. В силу все столь же рокового стечения обстоятельств, 9 января 1905 года необъяснимым образом император Николай II отдаст приказ о пресечении мирного народного шествия к Зимнему дворцу, вылившийся в расстрел безоружной толпы. Невероятное по своей жестокости и алогичности "кровавое воскресенье" станет первым и решительным проявлением системного распада русского социума, после падения Порт-Артура обнаружившего себя вне привычных смысловых координат. "Первая русская революция", вопреки распространенной трактовке, нисколько не была связана с "народными лишениями, усиленными тяготами войны" – пик беспорядков придется на конец 1905 года, когда с Японией уже будет заключен мир, а с огромным трудом "успокоенное" общество, которое в июле – августе 1914 года вновь горячо поддержит возрожденные акматические лозунги, в 1917 году отречется и от них, и от государства, и от самого себя.

Нерадующие успехи

Падение Порт-Артура, в глобальном контексте лишившее старую Россию привычного образа будущего, не могло не сказаться на смысловом наполнении продолжающейся военной кампании. С чисто штабной точки зрения, сдача крепости не влияла радикально на стратегическое положение сторон – разве что измотанная многомесячной осадой армия Ноги теперь перебрасывалась на "маньчжурский фронт", усиливая противостоящую Куропаткину войсковую группировку маршала Ойямы, а эскадра Того, после почти годового дежурства, смогла вернуться на базы для отдыха и ремонта в преддверии встречи с уже вышедшей из Балтики на Дальний Восток Второй тихоокеанской

эскадрой. С другой стороны, к концу 1904 года планового уровня достигла провозная способность Транссиба и КВЖД³¹⁷, и Россия быстро наращивала резервы своих маньчжурских армий, усиливала их вооружение, легко парировала потери. Формально потерпевшая поражение под Ляояном и не добившаяся успеха на Шахэ, русская армия не чувствовала себя пораженной, сохраняя достаточно высокий боевой настрой, управляемость и жаждала по-прежнему активных действий. Генерал Куропаткин теперь имел в своем распоряжении уже три армии (1, 2 и 3-я Маньчжурские) общей численностью 320 тысяч человек при 1,078 орудиях. Группировка Ойямы насчитывала около 200 тысяч человек при 666 орудиях [307]. Несмотря на позднее (лишь к концу декабря) прибытие теплого обмундирования, русские войска в зимних условиях чувствовали себя заметно лучше противника.

В ответ на взятие Порт-Артура казачий отряд под командованием генерала П.Мищенко 27 декабря 1904 года выдвинулся в рейд на порт Инкоу, разоря вражеские склады и коммуникации вдоль линии ЮМЖД и пустив под откос воинский эшелон. Не сумев в бою 30 декабря захватить Инкоу, в который японцы успели перебросить свежие подкрепления, однако сумев поджечь воинские склады, оказавшись при отходе окруженным в районе деревни Синюпученза, отряд Мищенко в последний день года сумел успешно выбраться из окружения, нанеся неприятелю заметный урон. В то же время и потери отряда оказались неоправданно велики – 408 казаков были убиты³¹⁸.

³¹⁷Кроме того, в течение второй половины 1904 года части Заамурской железнодорожной бригады успешно построили на китайской территории несколько новых веток широкой колеи, необходимых для снабжения войск и вывоза топлива с угольных копей, – в частности, линию Хайген-Шахетзы протяженностью 252 км.

³¹⁸По горячим следам рейда на Инкоу родилась песня, известная нам сегодня в измененном варианте времен гражданской войны. Ее первоначальный текст был таким:

За рекой Ляохэ загорались огни, Грозно пушки в ночи грохотали. Сотни юных орлов из казачьих полков На Инкоу в набег поскакали.	Он упал под копыта в атаке лихой, Снег залил своей кровью горячей. “Ты, конек вороной, передай, дорогой, Пусть не ждет понапрасну казачка”.
Пробирались там день и ночь казаки, Миновали и горы, и степи. Вдруг вдали у реки засверкали штыки: Это были японские цепи.	За рекой Ляохэ уж погасли огни, Там Инкоу в ночи догорало. Из набега назад возвращался отряд, Только в нем казаков было мало...
И без страха отряд поскакал на врага, На кровавую страшную битву. И урядник из рук пику выронил вдруг: Удалецкое сердце пробито.	

Не дожидаясь усиления группировки Ойямы перебрасываемой из-под Порт-Артура армией Ноги, 12 января 1905 года русские войска перешли в наступление под городом Сандепу. Первоначальный план наступления был разработан командующим 2-й Маньчжурской армией генералом-адъютантом О.Ф.К.Гриппенбергом и предполагал, как и при Шахэ, удар по наиболее уязвимому левому флангу японцев в районе Янтайских копей. В первые два дня наступление развивалось успешно (100-тысячной ударной группировке первоначально противостояло лишь 30 тысяч японских войск), русские войска форсировали р.Хуньхэ и продвинулись на 8-10 километров (казаки Мищенко – до 20 километров). Лишь из-за внезапного конфликта между Гриппенбергом и Куропаткиным, не выделившим для наступления запрошенные Гриппенбергом 7 корпусов и отказавшимся – до обозначения явного успеха 2-й армии – поддержать ее остальными силами, к третьему дню русского наступления японцы, перебросив на проблемный участок резервы, сумели частично восстановить равновесие. Сил у Гриппенберга было достаточно, и наступательный план вполне мог быть успешно завершен, если бы 15 января Куропаткин, необоснованно опасаясь японского контрудара, внезапно не отдал бы приказа об отходе на исходные позиции. Не достигшее поставленной цели наступление под Сандепу стоило русской стороне 12 тысяч убитыми, японской – 9 тысяч [308]. Глубоко оскорбленный сдерживающей политикой Куропаткина, Гриппенберг, сославшись на болезнь сердца, запросил отставку³¹⁹.

И лихой набег на Инкоу, и мощное, хорошо подготовленное наступление под Сандепу с военной точки зрения были обречены на успех. Для победы имелось буквально все: свежие, превосходящие противника войска, грамотное полевое командование, преимущество в артиллерии, достаток боеприпасов, налаженный тыл... Не было лишь одного – готовности побеждать на уровне штаба объединенных маньчжурских армий и выше, вплоть до столицы.

³¹⁹Вопрос об отставке Гриппенберга вышел за рамки военного ведомства, сам император был вынужден обратиться к генералу, являвшемуся к тому же неприсутственным членом Государственного совета, с вопросом об ее истинных причинах. Получив по телеграфу ответ, что “он лишен независимости и инициативы и в этих обстоятельствах больше не может служить”, Николай II согласился на отъезд Гриппенберга в Санкт-Петербург для “предоставления полного рапорта” [309]. История с Гриппенбергом имела резонанс, крайне отрицательно сказавшийся на репутации Куропаткина, – в очередной раз представшего в образе безынициативного и нерешительного “штабного командующего” на фоне “смелого и целеустремленного” боевого генерала. В канун грандиозного сражения под Мукденом последнее было как нельзя некстати.

К сожалению, именно с подобным настроем русское командование и общество шли к крупнейшему сражению войны – Мукденской битве.

Японское командование: на повестке дня – “тотальный разгром русских”

Генеральное сражение двух противостоящих армий, сосредоточившихся в узкой равнинной полосе речных долин к югу от Мукдена, с востока ограниченной горами Чачгбей, а с запада – болотистым левобережьем

Ляохэ, накануне мартовского тепла и разлива рек было предопределено. Обе стороны планировали наступление. Русская группировка в составе трех Маньчжурских армий под командованием Куропаткина готовилась к повторению январского наступления на Сандепу. На сей раз предполагалась “классическая атака центром”³²⁰ при использовании фланговых войск для отвлекающих демонстраций, наступление было намечено на 12 февраля 1905 года [310]. Главнокомандующий японскими сухопутными силами маршал Ойяма, под началом которого теперь находились пять армий, хорошо усвоив особенности стратегического мышления Куропаткина, распылявшего силы и стремившегося сохранять в резервах до $\frac{2}{3}$ войск³²¹, решил на сей раз добиваться тотального окружения и разгрома русских армий. Еще молодым офицером стажирясь в Пруссии, Ойяма был свидетелем грандиозного окружения французских войск под Седаном, спланированного и осуществленного Г. фон Мольтке и поставившего точку во франко-прусской войне 1870 года. По мнению японского главнокомандующего, затянувшуюся войну с

³²⁰ Столкнувшись с обвинениями в ставших уже слишком многочисленными неудачах, Куропаткин, начиная с Сандепу, стал практиковать стратегическую разработку операций путем “сбора соображений” у командующих армиями и корпусами – хотя хорошо известно, что подобный “управленческий демократизм” на войне малопродуктивен. Но если при планировании наступления при Сандепу за основу был принят план честолюбивого и амбициозного Гриппенберга, планировавшего направление главного удара “под себя”, то, после известной скандальной ситуации с отставкой последнего, Куропаткин стремился не подчеркивать индивидуальную роль кого-либо из подчиненных; результатом механического усреднения “собранных соображений” стал тривиальный лобовой удар центром против ставшего больше “привычным”, нежели действительно ключевого в японской обороне населенного пункта [311]

³²¹ Именно столько войск было “зарезервировано” в разгар русского наступления под Сандепу, столь благоприятно закончившегося для японцев.

Россией надлежало завершить аналогичным сокрушительным успехом. "Предпосылки Седана на маньчжурском театре несомненно были налицо. Даже возросшие по численности армии оставляли... свободное пространство для обходов... Вытянутый фронт русских армий подсказывал мысль о возможности путем наступления... в охват левого фланга русских в Фушунском направлении <с целью. – *Авт.*> привлечь сюда резервы русского главнокомандующего, а это обстоятельство, в свою очередь, облегчало удар против правого фланга русских, где успех мог быть достигнут раньше, чем сюда вновь будет переброшен резерв. После отвлечения внимания русских к левому флангу японский план предусматривал выдвижение армии Ноги в обход правого фланга русского расположения для выхода на <коммуникации противника>. В дальнейшем предполагалось соединение армий Ноги и Кавамуры <правый японский фланг> в тылу русских" [312].

Несмотря на то, что силу Ойямы арифметически уступали войскам Куропаткина (270 тыс. человек, 1,062 орудия и 200 пулеметов против 330 тыс. русских войск при 1,266 орудиях и 56 пулеметах [313]), за счет высокой маневренности и лучшей управляемости, а также за счет лучше поставленной тыловой разведки они были в состоянии достигать превосходства на ударных участках. Японцы, равно как и русские, хорошо знали район предстоящего сражения, поскольку именно здесь проходили бои при Шахэ и Сандепу. Обе армии готовились к поединку на сплошном фронте протяженностью свыше 90 километров. В условиях отсутствия опыта проведения операций такого масштаба, прежде всего по управлению обороной столь растянутого фронта, безусловным преимуществом обладала та сторона, которая наносила удар первой.

Мукденская мясорубка

Японское наступление началось на неделю раньше, чем намеревался атаковать противника генерал Куропаткин. Ночью 6 февраля Ойяма повел наступление против небольшого отряда, прикрывавшего левый фланг 1-й Маньчжурской армии на юго-восточной оконечности театра военных действий в районе деревни Цинхэчен, в 50 километрах от Мукдена. Сила японского наступления нарастала постепенно; предпринятая 9 февраля попытка генерала Алексеева контратаковать не принесла успеха из-за мороза и обледенения почвы: лошади скользили, и кавалерия не смогла зайти в тыл к японцам. На следующий день, 10 февраля,

неприятель продолжил наступать. Под покровом разыгравшейся снежной бури японские солдаты шли вперед, неся на плечах по мешку с песком. "Выходя из укрытия и двигаясь к русским траншеям, солдат бросал перед собой на землю свой мешок и, прячась за ним, как за бруствером, начинал стрелять... Так <они> медленно пересекли открытое пространство, стремясь к русским траншеям" [314]. Не сумев одолеть оборонительный рубеж с хода, на следующий день японцы все-таки сумели заставить наши войска отступить: из-за угрозы обхвата Цинхэченский отряд, прикрываемый двумя арьергардами, организованно перешел с обозами и артиллерией Далинский перевал и сосредоточился в районе д.Саньюньюй, в 20 километрах от оставленного рубежа.

Добившись успеха на линии обороны Цинхэченского отряда, 11 февраля японцы предприняли мощное наступление против левого фланга 1-й Маньчжурской армии. Натиск неприятеля был столь силен, что Куропаткин был вынужден, в полном соответствии с ожиданиями Ойямы, перебросить на свой левый фланг резерв из 42 батальонов при 128 орудиях, чем окончательно ставил крест на планах собственного наступления. Ойяма торжествовал: переброска резервов ослабляла стоявшую на правом фланге 2-ю Маньчжурскую армию, в обход которой им замышлялся основной удар!

14 февраля, после отвлекающей бомбардировки русских позиций на левом фланге, с крайней (западной) оконечности правого фланга началось наступление 3-й японской армии Ноги. Из-за отсутствия на этом участке стационарного рубежа обороны³²² неприятель был обнаружен лишь к вечеру, когда занял деревню Калима на берегу Ляохэ. Осознавая создавшуюся угрозу обхвата и удара по тыловым коммуникациям, Куропаткин был вынужден перебросить на свой правый фланг отряд Биргера – однако “пассивная задача, поставленная отряду Биргера, привела лишь к ослаблению общего фронта русских, не способствовала выяснению сил противника и задержанию его” [315].

15 февраля японцами был преподнесен очередной “сюрприз” – сильнейшая атака на центральном участке фронта, поддержанная огнем перевезенных из-под Порт-Артура 11-дюймовых осадных гаубиц. Русское командование было в полной растерянности: “Сначала генерал Куропаткин поверил, что японцы будут атаковать с востока. Потом он решил, что это будет на западе. Теперь он начал

³²²Он прикрывался лишь разъездами конницы под командованием генерал-майора Войска Донского М.И.Грекова

думать, что это произойдет в центре. Он посылал своим подчиненным приказ за приказом, пытаясь переставлять части, как фигуры при игре в солдатики” [316]. К вечеру 15 февраля – впервые в мировой военной истории! – сражение велось на сплошном фронте протяженностью почти сто километров.

Однако несмотря на то, что стратегически Ойяма переигрывал Куропаткина, “второго Седана” не выходило: на всей линии фронта, как только она определилась, японцы сталкивались с ожесточеннейшим сопротивлением. Особенно успешным оно было в гористой местности на востоке, где 5-я японская армия Кавамуры была вынуждена перейти к обороне. К 17 февраля японское наступление было остановлено практически на всех участках. Располагая глубоким – на 50 километров! – проникновением в западный русский фланг, – Ойяма, опасаясь резервов Куропаткина (здесь-то наконец они и пригодились!), не решился на глубокий обход с севера от Мукдена, который, в случае успеха, мог бы завершить войну впечатляющей японской победой.

Словно в отместку за неудачу первоначального плана, 18 февраля в ходе сильнейшего наступления в центральной части фронта японские войска сумели оттеснить 2-ю Маньчжурскую армию к берегам Хуньхэ. Чтобы избежать ее разгрома, Куропаткин перебрасывает на ее участок резервы и предпринимает несколько попыток наступать, увы, неудачных. Ойяма тем временем концентрирует силы на западном участке фронта и, парировав неудачную попытку наступления группы барона А.Каульбарса 21 февраля, которая, по мысли Куропаткина, должна была радикально обезопасить правый фланг, к 22 февраля вынуждает 2-ю армию занять оборону по меридиональной линии, проходящей в 10-15 километрах к западу от Мукдена. Самым тревожным теперь было то, что 3-я японская армия всерьез угрожала перерезать с севера железную дорогу, что для русских войск было равносильно окружению, так как лишало возможности получать из европейской части России резервы, боеприпасы и снаряжение.

Отход к Сипингаю. Армия спасена. 24 февраля битва за Мукден вступила в решающую фазу. В разыгравшуюся снежную бурю, под ударами штормового юго-западного ветра, благоприятствовавшего наступающим японцам и забивавшего пылью и ледяной крошкой глаза обращенных в их сторону русских

стрелков, 1-я, 4-я и 5-я японские армии буквально вдавливали в землю 1-ю и 3-ю Маньчжурские армии, в соответствии с приказом отходившие к Мукдену для подготовки контрнаступления против 3-й японской армии, представлявшей на тот момент наибольшую угрозу. Недостаточно подготовленные попытки Куропаткина наступать на западном участке фронта провалились, а на восточном войскам 1-й армии Куроки в ходе трехчасового боя удалось прорвать оборону 4-го Сибирского корпуса (1-й Маньчжурской армии) и приблизиться к железной дороге на расстояние менее 5 километров. Угроза окружения вновь становилась реальностью, и в 6:45 вечера главнокомандующий Куропаткин отдал приказ русским армиям произвести общее отступление вдоль железнодорожного пути на Телин – следующий крупный город к северу от Мукдена³²³.

Операция по эвакуации из Мукдена нескольких десятков тысяч раненых, с вывозом всей артиллерии, амуниции и боеприпасов, осуществленная всего за одну ночь, пожалуй, до сих пор не имеет аналогов в истории войн. Три группы по 8 поездов в каждой, при 50 вагонах и 2 локомотивах в составе – всего 1,200 вагонов – были погружены и отправлены по однопутной дороге до наступления рассвета [317]. Спешили не зря³²⁴: к середине дня 25 февраля передовые японские части перерезали железнодорожную линию.

Теперь предстояло увести из грозившего захлопнуться “котла” почти четверть миллиона оставшихся в строю солдат и офицеров. К счастью, как и под Ляояном, японцы не заметили начала отхода русской армии и, войдя в Мукден около 4 часов дня, смогли захватить лишь несколько арьегардов. Немногочисленные русские кавалерийские соединения без потерь отступили к Телину еще в начале дня, столь же успешно смогла покинуть сферу влияния противника 1 и 2-я Маньчжурская армии. Труднопроходимыми перевалами, практически без потерь, сумели отойти с восточного

³²³Тем не менее русское отступление началось, как такое уже случилось, в момент, когда противник начинал утрачивать инициативу и был готов к свертыванию боя: “По свидетельству военного корреспондента итальянской газеты “*Corriere della sera*” при японской армии Луиджи Барцини, “японские армии были поражены неожиданным отступлением русских после продолжительной и геройской обороны. На некоторых пунктах боя было такое впечатление, что сражение безусловно потеряно” <для японцев. – *Авт.*>... “У японцев повсюду начинал чувствоваться упадок духа... По японским описаниям теперь выясняется, говорит г. Суханов, что в этот день утомление японцев достигло высшей степени” [318].

³²⁴Авральный характер эвакуации Мукдена отчасти объясняется и тем, что “отданное Куропаткиным еще 19 февраля приказание об отправке в тыл дивизионных обозов пролежало где-то в канцеляриях и дошло до командиров корпусов только 9 марта” [319]

фланга отряды Ренненкампа, Любавина и Данилова. На долю же наиболее многочисленной 3-й Маньчжурской армии, вынужденной отступить по так называемой Мандариновой дороге, проходившей через узкое, как бутылочное горлышко, ущелье, с трех точек простреливаемое соединившимися за Мукденом японскими армиями, выпали самые страшные испытания. Утомленные, с большим числом раненых, русские части отступали по коридору шириной около 12 километров, беспрестанно обстреливаемые японской артиллерией. Лишь благодаря предельной для полевых орудий дистанции боя, залпы вражеской шрапнели не произвели тотального истребления отступавших. Но потери все равно были ужасающими. “Из трех батальонов Орловского полка только горстка людей, несших полковое знамя, сумела дойти до следующего северного поста. От батальона Юрьевского полка только один офицер и 156 солдат сумели уйти на север...” [320].

Тем не менее факт остается фактом: потерпевшие неудачу в сражении при Мукдене русские войска смогли, сохранив имущество и организацию, отойти на заранее подготовленные и обрекогносцированные еще в 1903 году Сипингайские позиции [321], а измотанным японцам, преткнувшимся о слабую арьергардную оборону, не удалось сомкнуть к северу от Мукдена свои 1-ю и 3-ю армии с тем, чтобы завершить грандиозное сражение не менее грандиозной победой. Цифра потерь под Мукденом также нехарактерна для безусловной победы: если русские войска потеряли убитыми и ранеными 59 тысяч человек³²⁵, то японцы – 71 тысячу [322].

Несмотря на оставление всех ранее занимаемых позиций, русская армия покинула Мукден непобежденной. И хотя после завершения отступления численность боеготовых сил трех Маньчжурских армий не превышала 133 тысяч человек [323] против 330 тысяч накануне Мукдена, – налаженное железнодорожное сообщение позволило быстро восстановить потери. Ведь Россия по-прежнему воевала на Дальнем Востоке небольшой частью своих сил, сохраняя лучшие части на западных рубежах, чего нельзя было сказать о противнике. Понесенные за полный год войны потери сильнейшим образом обескровили японскую армию, особенно трудновосполнимыми они были для офицерского и унтер-офицерского составов. Безусловно, прав был Куропаткин, поставивший в своем отчете целью “отойти назад, устроиться,

³²⁵Кроме того, под Мукденом в плен попали 30 тысяч русских военнослужащих.

усилиться и, пользуясь приобретенным опытом, снова вступить в борьбу с отважным, но уже напрягавшим последние усилия врагом” [324]. Однако при всей академической правоте именно Куропаткину надлежало ответить за поражение под Мукденом: 3 марта император передал командование русскими сухопутными силами на Дальнем Востоке генералу от инфантерии Н.П.Линевичу. Куропаткин обратился к царю с просьбой не отправлять его в тыл и вскоре принял оставленную Линевичем должность командующего 1-й Маньчжурской армией.

Смена высшего командования маньчжурскими ариями в который раз возбудила ожидания перемен к лучшему. “Человеческое сердце, столь склонное к надежде, снова стало верить, что генерал Линевич есть именно тот вождь, который, “не мудрствуя лукаво” сложными маневрами армий и верой в “стратегические линии”, даст нам, наконец, победу одною лишь своею непреклонною волею, упорством в достижении её и верой в силу духа армии. Казалось, что “история повторяется” – и снова методичного, но несчастного “Баркляя” сменил “старик Кутузов”. Передавали из уст в уста, как, объезжая армии, Линевич вызвал вперед георгиевских кавалеров и, сняв фуражку, поклонился им со словами: “Кланяется вам низко моя седая голова. Надеюсь, что, как и прежде, вы не покроете её позором, что победим врага...” И вспоминали при этом слова Кутузова при объезде им нашей армии под Царевым Займищем: “С такими молодцами отступать!.. Помилуй Бог!..” [325]

Невостребованные перемены к лучшему

Но ни Линевичу, ни Куропаткину больше не представится возможности привести войска к победе. К 15 марта продвижение японских частей остановилось в 40 километрах к югу от Сипингайских позиций; к 31 марта, после прихода пополнений, численность русских войск возросла до 464.5 тысяч человек против 220 тысяч у неприятеля, делая продолжение японского наступления бессмысленным. В апреле стало окончательно ясно, что на сухопутном фронте японцы более не обладают инициативой, а в перспективе их стратегическое положение будет только ухудшаться. К затяжной войне с Россией Япония никогда не была готова. Но и русское командование, деморализованное последними неудачами, не решалось на какие-либо активные действия.

Под Мукденом, несмотря на жестокие потери и тактический успех японских армий, русские войска – как и во время последних

месяцев обороны Порт-Артура – уже практически не становились жертвами случайных, ситуационных превратностей, ранее благоприятствовавших противнику. Возможно, пролитая кровь и самая твердая решимость сотен тысяч солдат и офицеров “стоять до конца” сделали свое дело, и фортуна более не наносила удары беспощадными и немислимыми в своей губительной полноте стеченьями обстоятельств. Наоборот, удача, казалось бы, начинала благоприятствовать, не позволив, например, японским войскам сомкнуть кольцо окружения при отходе измотанной боями 3-й Маньчжурской армии по Мандариновой дороге. И если в столичном обществе войну с Японией во все большей степени продолжали воспринимать как затянувшуюся колониальную авантюру, то в глазах значительной части полевых офицеров и солдатской массы эта война велась за право России оставаться на маньчжурской земле³²⁶. Последнее предполагало совершенно иной уровень сопротивления и стойкости, сполна проявленные под Мукденом.

³²⁶В воспоминаниях непосредственных участников русско-японской войны трудно найти прямые указания на мотивацию продолжения борьбы желанием видеть Маньчжурию в составе России. Довоенная противоречивость и неурегулированность статуса этих земель не позволяли образованным и корректным в правовых вопросах русским офицерам открыто называть их “своими”. С другой стороны, сохранилась масса свидетельств о том, что восприятие Маньчжурии, ее населения, привычек и традиций русскими военными служащими в 1904–1905 гг. мало чем отличалось от аналогичных картин в официально входивших в состав Российской империи Восточном Туркестане, Польше или Финляндии. “Жизнь в Маймакае была ключом. В городе царил образцовый порядок, что составляло немалую заслугу штаба 2-й армии генерала Каульбарса. На улицах патрулировали военные полицейские, наблюдавшие за поведением солдат. Обыватели не боялись грабежей, поэтому, совершенно не стесняясь присутствием многочисленных офицеров и солдат нашей армии, спокойно продолжали свои обычные занятия...”[326].

“Отношение между китайским населением и нашими войсками было удовлетворительным. Конечно, бывали эксцессы, как и во всех армиях, во всех войнах. Но русский человек общителен и не заносчив. К китайцам солдаты относились добродушно и отнюдь не как к низшей расе.... Презрительное отношение японцев к китайцам, буквально как к неодушевленным предметам, и жестокость реквизиций угнетали население. В особенности возмутительны были реквизиции... женщин, которые производились не самочинно, а по установленному порядку... Даже на аванпостах, когда наши войска захватывали неожиданно японскую заставу, они находили там среди японских солдат несколько запуганных и замученных «реквизицией» женщин...”[327].

Также в войсках не возникало и сомнений по поводу судьбы Маньчжурии в случае ухода России: “Последующие события свидетельствуют, что, при отказе от оккупации Маньчжурии и при уважении там договорных прав иностранных держав, русская акция <оккупация Маньчжурии – *Авт.*> была неизмеримо менее опасной и для них, и для Китая, нежели японская” [328]. История Маньчжурии в XX веке в полной мере это подтвердила.

Мы уже писали о том, что русскому правительству, пожелай оно добиться победы, достаточно было гласно и открыто объявить о планах присоединения Маньчжурии, права на которую были к тому времени оплачены самой высокой ценой. Однако решиться на такой шаг оказалось не по силам, поскольку *facultas effectus* доминировавших во властных эшелонах консорций, в условиях разрушения их утратившего органичность акматического идеала, упала как нельзя низко. Более не находя в глазах своих командиров, судящих о настроениях в стране по регулярно доставляемой на фронт столичной прессе, огня реванша и победы, нижние чины также вскоре окажутся во власти апатии и безразличия. В стоящих без дела частях будет нарастать пьянство, частыми явлениями станут грабежи “китаев”, упадут дисциплина и управляемость³²⁷. *И Маньчжурия, в момент долгожданного сосредоточения там сил, достаточных для разгрома противника, окажется никому не нужной.*

Эта внезапно явившаяся ненужность “Мукдена с его могилами” наряду с другими плодами многотрудного утверждения России в северо-восточном Китае, начало которому было положено еще со времен “Албазинской обороны” 1685–1686 гг., с исключительной ясностью оказалась высвеченной в истории похода на Дальний Восток Второй тихоокеанской эскадры, окончившейся ее полным разгромом у Цусимских островов.

³²⁷О степени морального упадка в русской армии в период ее стояния на Сипингайских позициях говорит и ставшее массовым явлением своеобразное “дезертирство” солдат и офицеров в конный корпус Мищенко – единственное соединение, продолжавшее предпринимать активные боевые вылазки. Внутренне соглашаясь с причинами, толкавшими не желавших “разлагаться” военнослужащих на столь явное нарушение дисциплины, штаб армии был вынужден сделать негласное распоряжение не применять к таковым мер наказания [329].